В манере психологического реализма Пушкин тонко и убедительно передает динамизм переживаний героини, смену ее настроения (в отличие от Карамзина, в прозе которого — в соответствии с манерой сентиментализма — дается чисто авторское, т. е. внешнее, описание чувств и переживаний персонажей). У Пушкина радостная Лиза сначала *казалось, не шла, а летела*; затем — на границе отцовского владения она *пошла тише*; а когда вошла в *сумрак рощи*, то *веселость ее притихла*, и мало-помалу она предается *сладкой мечтательности*.

Даже в одинаковых конструкциях проявляется различный авторский подход к описанию переживаний своих персонажей. У Карамзина: *(Эраст) чувствовал в себе трепет — Лиза также, не зная, отчего — не зная, что с нею делается...* Описание чувств чисто внешнее и никак не проясненное автором *(не зная, отчего)*. Совсем по-другому у Пушкина: *Сердце ее сильно билось, само не зная, почему; но боязнь, сопровождающая... наши проказы, составляет и главную их прелесть*. Здесь описание чувств — внутреннее и личностное. Повествование *сердце билось само не зная, почему* проясняется через авторский попутный комментарий, в котором психологически точно передаются противоречиво смешанные переживания персонажей: *боязнь*, сопровождающая *проказы*, и одновременно их *главная прелесть*.

В повествовании Карамзина-сентименталиста представлена характерная для сентиментального направления «распространенность» стиля, многословие описания, тогда как у Пушкина-реалиста отмечается — даже в сравнительно коротком отрывке — интенсивная сжатость речевых средств, динамизм противоречивых душевных переживаний и порывов вместе с попутным авторским комментированием для заинтересованного читателя-собеседника.

## ВТОРОЙ ТУР

### 11 КЛАСС

**1.** Первый отрывок (описание осени на Оке) принадлежит К. Паустовскому, второй — В. Белову.

При сопоставлении текстов следует отметить, что предмет описания традиционен для русской литературы: желтая (золотая) листва, улетающие птицы, курлыканье (песня) журавлей — символы осени. С этим связана образная и лексическая перекличка текстов.

Однако оба автора, описывая узнаваемый осенний пейзаж, решают творческую задачу по-новому. Они изображают осень как загадочное явление. У К. Паустовского загадочность осеннего пейзажа связана с дымкой («мгой») и с узнаванием в «туманных видениях» знакомых предметов. Своеобразной загадкой описывает автор журавлей. В тексте В. Белова образ осени представлен метафорически, в виде живого существа *(И ходила осень по русской земле... странная баба непонятного возраста, собирая в подол хрусткие рыжики, за спиною кошель с неизвестной поклажей, на голове темный платок)* и находит непосредственное выражение в риторическом вопросе *(О чем же так отрешенно поет беззаботная странница, где ее новый ночлег?)*.

Для К. Паустовского мир природы и мир человека существуют параллельно. Точкой их соприкосновения является наблюдатель-повествователь, образ которого в центре повествования от первого лица. Описание природы у Паустовского мозаично, строится по принципу аппликации, наложения одного образа на другой. Повествователь — тонкий и впечатлительный созерцатель природы — словно перебирает разные осенние картины в памяти, объединяет их по тональности, создавая своеобразную словесную палитру *(...в небе кто-то начал осторожно переливать воду из звонкого стеклянного сосуда в другой такой же сосуд. Вода булькала, позванивала, журчала. Звуки эти заполняли все пространство между рекой и небосводом. Это курлыкали журавли)*.

В. Белов — мастер психологического пейзажа, который обычно передает состояние, чувства, эмоции персонажей, создает настроение, а не является предметом созерцания. Природа у Белова одухотворенная и одушевленная составляющая жизни человека, автор при ее описании прибегает к метафоре-олицетворению *(сонливые хвойные лапы)*, сравнению осени с лицом *(осень как странная баба непонятного возраста)* и последующей персонификации *(беззаботная странница, женский голос)*. Образы крестьянского быта, народное слово *(тонкая бечева, заокольное жнивье, хрусткие рыжики, голос тянет, чуется, промеж деревьев, тычет)* органично вплетаются в ткань авторского повествования.

Повествователь скрыт, растворен в описании и обнаруживает себя в риторическом вопросе, завершающем фрагмент. Вообра-